

Жареная зелень получилась солоноватой, ароматной и невероятно аппетитной. Нин Гуйчжу и трое детей, сами того не заметив, наелись досыта. Посмотрев на оставшееся, он отложил часть и сказал троице, всё ещё облизывавшей пальцы:

— Пойдёмте, отнесём немного остальным, пусть попробуют.

— Идём! — первым подскочил Сюн Чуаньшуй.

Сюн Цзиньбо повёл за руку Сюн Иньин, чуть отстав. Нин Гуйчжу время от времени оглядывался, проверяя, чтобы никто не потерялся.

Когда они пришли в дом семьи Сюн, было чуть за полдень. Домочадцы как раз раздумывали, что бы перекусить, и, увидев Нин Гуйчжу с детьми, удивились:

— Эти трое сегодня у тебя безобразничают?

— Ничего они не безобразничали, — с улыбкой ответил Нин Гуйчжу. — Даже помогли мне ловить жуков.

Услышав это, Ван Чуньхуа улыбнулась:

— Они у меня неловкие, только жуков и умеют ловить.

— Они ещё маленькие. И так уже молодцы.

Нин Гуйчжу понимал, что это материнская скромность, и мягко вступился за детей. Приподняв чашку, добавил:

— Я тут пожарил немного зелени. Принёс вам попробовать.

Ван Чуньхуа давно заметила чашку в его руках, чувствовала запах масла, но стеснялась спросить. Теперь, когда он сам предложил, она неловко улыбнулась:

— Масла, наверное, ушло немало. Ты лучше обратно отнеси, поешьте с младшим.

— Ему я оставил, — сказал Нин Гуйчжу и, взяв её за руку, повёл в главный зал.

Увидев, что они наконец зашли, Лю Цюхун спросила:

— О чём вы там так долго шептались?

Ван Чуньхуа и Нин Гуйчжу ещё не успели ответить, как Сюн Чуаньшуй первым пожаловался:

— Дядя велел нам помогать ловить жуков, а мама даже не спросила, сразу сказала, что мы балуемся!

Взрослые переглянулись, с трудом сдерживая улыбки.

А если посмотреть на Сюн Цзиньбо и Сюн Иньин, на их лицах тоже читалось полное согласие со словами Сюн Чуаньшуя.

Взрослые, сдерживая смех, стали уговаривать:

— Это мама ошиблась, зря вас обвинила. Простите маму, ладно?

Сюн Чуаньшуй поднял голову, посмотрел на Ван Чуньхуа. Та приподняла бровь:

— Вы что, ещё и извинений от меня ждёте?

Сюн Чуаньшуй: «...»

Он энергично замотал головой, показывая, что уже давно простил маму. Тут уж взрослые не выдержали и расхохотались.

Когда троица, держась за руки, убежала, разговор наконец перешёл к принесённой еде. Жареная в кляре зелень пришлась всем по вкусу и ароматом, и текстурой.

Лю Цюхун вздохнула:

— Только попробуешь, как готовит Чжу-гер, и понимаешь, сколько хороших продуктов я раньше переводила.

Разве что масла и муки он не жалеет, а это всё серебром покупается.

Она уже собиралась что-то сказать, но, подняв глаза и увидев тонкое, аккуратное лицо Нин Гуйчжу, проглотила слова. Да, за сватовством они сами пришли, но отрицать, что Сюн Цзиньчжоу получил редкого, на вес золота супруга, невозможно. К тому же Нин Гуйчжу и в горы ходит за травами, и бамбук плетёт - не из тех, кто только ест и бездельничает. Даже попрекнуть его нечем...

Пока она размышляла, в уши влетел разговор Ван Чуньхуа и Нин Гуйчжу.

— Чжу-гер, ты сегодня не выходил? Дома много дел? Может, днём приду помочь?

— Да ничего особенного. Хочу поставить маленькую купальню. Ничего сложного, сам справлюсь.

— ...

Купальню??? Он ещё и это умеет?!

В главной комнате воцарилось немое изумление. Нин Гуйчжу моргнул, выражение у него стало слегка растерянным и невинным.

Семья на мгновение лишилась слов, а потом кто-то наконец сказал:

— Если домик ставить, бревна таскать придётся. Пусть отец и старший брат потом сходят помочь.

— Не нужно, это будет бамбуковый домик. Всё уже подготовлено - Цзиньчжоу раньше нарубил.

— Те самые стволы? Они же ещё сырые, тяжёлые. Пусть отец с братом помогут, одному тебе будет слишком трудно.

Услышав слова Лю Цюхун, Нин Гуйчжу подумал и кивнул. Тяжесть ещё полбеды, главное - длина. Держать устойчиво и одновременно работать одному действительно неудобно.

Жареная зелень с маслом и мукой оказалась сытной. Поев, семья больше ничего готовить не стала. Отдохнув немного, Сюн Цзиньпин и Сюн Шишань пошли с Нин Гуйчжу ставить бамбуковый домик. С их помощью дело пошло куда легче. Стойки быстро закрепили в земле, затем обрезали несколько коротких жердей, сделали на концах пазы и установили их сверху, соединяя столбы. Внизу стойки тоже были заранее надрезаны - туда вставили такие же короткие брусья. Оставалось сделать стены.

На концах бамбуковых планок Нин Гуйчжу сделал надрезы с интервалом около сантиметра, лезвием под углом снял лишнюю толщину в середине, чтобы планки можно было вставить в пазы. Работа несложная. Сюн Шишань и Сюн Цзиньпин, понаблюдав немного, взяли ножи и вместе с ним быстро подготовили все планки.

— Отец, старший брат, придержите здесь, я отмечу места, — позвал Нин Гуйчжу.

— Идём.

Они подошли и удержали уже выровненные планки. Между ними оставили промежутки в один-два сантиметра. Когда вся стена была выставлена, Нин Гуйчжу взял длинный острый камень и через отверстия сверху и снизу отметил места на горизонтальных перекладинах.

Так он разметил три стороны. Затем взял тесак, собираясь выбить в перекладинах соответствующие пазы.

— Подожди, Чжу-гер, — остановил его Сюн Шишань. — Скажи, как нужно, пусть Цзиньпин сделает.

Ростом Нин Гуйчжу не дотягивал, чтобы выбивать пазы в верхней перекладине, ему приходилось вставать на носки. Выглядело это небезопасно. Услышав слова Сюн Шишаня, он посмотрел на Сюн Цзиньпина - тот уже держал в руке тесак и ждал указаний.

— Тогда побеспокою старшего брата.

Нин Гуйчжу взял ненужный кусок бамбука и, используя два ножа вместе, показал, как легче вырезать паз. Сюн Цзиньпин попробовал пару раз, приноровился и принялся за каркас купальни. Он был даже выше Сюн Цзиньчжоу, поэтому верхняя перекладина не мешала ему работать. Вскоре первый паз был готов. Правда, вышел немного неровным.

Пока он колебался, Нин Гуйчжу спокойно сказал:

— Ничего страшного. Всё равно потом закроется. Главное, чтобы размер подходил.

Получив подтверждение, Сюн Цзиньпин продолжил, а Сюн Шишань помогал рядом.

Нин Гуйчжу понаблюдал, убедился, что всё идёт как надо, и занялся вырезанием бамбуковых штифтов. Штифты были почти одинаковой толщины по всей длине. Поскольку скреплять предстояло довольно толстые детали, он делал их длиной почти с полруки - лишнее потом можно будет обрубить. Когда штифты были готовы, а Сюн Цзиньпин всё ещё вырезал пазы, Нин Гуйчжу сходил на кухню, налил три чашки прохладной кипячёной воды. Свою выпил сразу, две другие принёс во двор:

— Отец, старший брат, выпейте воды.

— Ага, хорошо, — отозвался Сюн Шишань. Убедившись, что у сына всё под контролем, он принял чашку.

— Оставайтесь вечером поужинать. И маму с невесткой позовите. Дома есть свежее мясо, как раз пожарим.

Сюн Шишань по привычке хотел отказаться:

— Не нужно. Оставьте себе с младшим.

— Давайте вместе, — мягко сказал Нин Гуйчжу. — У нас всего хватает. И вы ещё не пробовали, как я готовлю.

После этих слов Сюн Шишань поколебался, но второй раз отказываться не стал.

Немного передохнув за водой, они снова принялись за работу. Когда верхние и нижние перекладины были полностью прорезаны, настало время крепить бамбуковые планки. Раз уж здесь будут мыться, важно было максимально закрыть щели. Нин Гуйчжу разделил планки на два слоя: внутренний установил прорезами наружу, затем вторым слоем перекрыл стыки, смещая их так, чтобы закрыть зазоры.

— Готово! — глядя на стену без единой щели, Нин Гуйчжу сиял от радости. — Давайте передохнём. Осталось сделать дверь, это много времени не займёт.

Раньше он немного переоценил свои силы. Если бы работал один и всё шло без сбоев, на купальню ушло бы три-пять дней. Но с помощью Сюн Шишаня и Сюн Цзиньпина дело продвигалось быстро - похоже, к темноте можно было закончить.

Они присели отдохнуть во дворе, болтали о пустяках, как вдруг из переднего двора донёсся голос Сюн Цзиньчжоу:

— Чжу-гер! Я слышал от мамы, что... Отец, старший брат.

Поздоровавшись, он прошёл мимо Сюн Шишаня и Сюн Цзиньпина, плюхнулся рядом с Нин Гуйчжу на бамбук и заговорил вполголоса:

— Мама сказала, ты строишь купальню. Почему заранее мне не сказал? Я бы попросил отца с братом помочь. Утром ты один работал - не поранился?

— Нет.

Нин Гуйчжу слегка смутился, чуть отодвинулся в сторону, бросил взгляд на Сюн Шишаня и Сюн Цзиньпина - те, к счастью, не обращали на них внимания. Он облегчённо выдохнул... и тут же поймал на себе спокойный взгляд Сюн Цзиньчжоу.

— ...

— Ты же на службу ушёл, — пробормотал Нин Гуйчжу. — Я и сам могу справиться. Не хотел тебя отвлекать.

Слова звучали благородно, но Сюн Цзиньчжоу прекрасно понимал: тот просто не подумал о нём. Однако обвинять язык не поворачивался.

— Ладно. Что ещё нужно сделать?

Почувствовав, что тема сменилась, Нин Гуйчжу тихо выдохнул:

— Осталась сторона с дверью. Если сегодня успеем, ещё выкопаем сток и настелем бамбук на пол. Тогда уже вечером сможем здесь мыться.

Это он сказал иначе, чем отцу и брату. Хотя они и были одной семьёй, по сути Сюн Шишань и Сюн Цзиньпин пришли помочь - неудобно было заставлять их работать до темноты. А вот с Сюн Цзиньчжоу всё иначе: он для собственного дома старается, так что трудиться до вечера, что тут такого?

Ничего. Так и должно быть!

Пока они вдвоём сидели и переговаривались, Сюн Шишань с Сюн Цзиньпином чувствовали себя неловко. В конце концов не выдержали, поднялись, пошли на кухню попить воды, потом бродили по переднему двору, дразнили собаку, поглядывали на кур и уток. Когда Нин Гуйчжу, увлечшись разговором, поднял голову и заметил, что их больше нет, его щёки сами собой вспыхнули лёгким румянцем. Сюн Цзиньчжоу задержал взгляд и на мгновение просто засмотрелся.

.

Сюн Шишань и Сюн Цзиньпин ещё долго крутились во дворе, пока наконец не услышали, как Сюн Цзиньчжоу зовёт их. Вернувшись в задний двор, они увидели, что Нин Гуйчжу держится от Сюн Цзиньчжоу на приличном расстоянии.

?

Сюн Шишань присмотрелся, убедился, что это не ссора, и не стал вмешиваться, лишь спросил, что делать дальше. Нин Гуйчжу взял тесак, но не успел начать - Сюн Цзиньчжоу уже перехватил у него бамбуковую планку:

— Как это делать?

Нин Гуйчжу: «...»

Он поджал губы и указал на пустую сторону:

— Отрежь по ширине... шесть штук хватит.

— Угу.

Сюн Цзиньчжоу примерился, отметил длину и только потом начал рубить бамбук. Пока он занимался этим, Нин Гуйчжу вместе с Сюн Шишанем и Сюн Цзиньпином делали дверь. Принцип был тот же, что и у стен: сначала каркас, затем крепление бамбуковых планок.

Отец с сыном быстро разобрались, поэтому когда Сюн Цзиньчжоу нарезал планки, Нин Гуйчжу оставил дверь и пошёл крепить их к стене купальни. Шесть планок: по две закрепили сверху и снизу, одну пустили внахлест, чтобы закрыть щель, затем по ширине двери нарезали вертикальные стойки. Вчетвером, поторапливаясь, они успели установить дверь ещё до ужина.

Нин Гуйчжу отряхнул с одежды пыль и направился к кухне:

— Цзиньчжоу, сходи позови маму с остальными. Сегодня ужинаем вместе.

— Хорошо, — откликнулся Сюн Цзиньчжоу и, оставив только что беседовавшего с ним старшего брата, направился к дому спереди.

Сюн Цзиньпин: «...»

Нин Гуйчжу окинул взглядом имеющиеся продукты и быстро решил, что будет готовить. Он разобрал овощи и понёс их к колодцу мыть. Сюн Цзиньпин по привычке хотел подняться помочь, уже почти встал, но краем глаза поймал взгляд Сюн Шишаня, почесал нос и снова сел. Всё-таки это не их двор, а Сюн Цзиньчжоу рядом нет. Если он сейчас пойдёт помогать, а кто-нибудь из деревни увидит - пойдут слухи. Ему самому всё равно, а вот Нин Гуйчжу, как гер, может и не вынести пересудов.

Сам Нин Гуйчжу и не подозревал, о чём думают отец с сыном. Он спокойно мыл овощи, когда вскоре вернулся Сюн Цзиньчжоу.

Нин Гуйчжу увернулся от его протянутой руки:

— Сначала переоденься. Потом смели немного мелкой кукурузной муки.

— Я могу, — подал голос Сюн Цзиньпин.

— Старший брат говорит, он сделает, — Сюн Цзиньчжоу уже забрал у Нин Гуйчжу овощи. — Я

помою. Ты отдохни.

«...»

Какой же ты бесцеремонный. Но, ворча про себя, Нин Гуйчжу всё-таки устал. Он отошёл от колодца и сел под навесом, наблюдая, как они работают.

Вскоре подошли Лю Цюхун и Ван Чуньхуа с тремя детьми. Ещё не войдя во двор, они громко спросили:

— Чжу-гер, где там домик, что ты сегодня сделал?

Нин Гуйчжу поднялся:

— Сзади...

— Отдыхай, отдыхай, — отмахнулась Лю Цюхун и бодро зашагала во двор. — Я сама посмотрю.

— Мама, я тоже! — Ван Чуньхуа поспешила следом.

Трое детей переглянулись. Маленькая бамбуковая купальня их не заинтересовала. Поздоровавшись, они побежали играть с щенком.

Немного отдохнув, Нин Гуйчжу увидел, что овощи вымыты, кукурузная мука смолота, и поднялся готовить. Он насыпал в таз несколько ложек пшеничной муки, смешал с мелко смолотой кукурузной, замесил тесто и отложил в сторону. В котле разогрел масло, бросил нарезанное мясо, обжарил, затем добавил яйца и продолжил помешивать. В конце плеснул немного соевого соуса и выдержанного уксуса. По мере жарки мясо с яйцами постепенно приобретали цвет, аромат становился всё насыщеннее.

Нин Гуйчжу добавил воды, накрыл крышкой:

— Цзиньчжоу, присмотри. Как закипит, позови.

Сказав это, он занялся другими блюдами.

На ужин были вчерашний сельдерей и водяной бамбук. Оставшуюся соломку мяса обжарили с сельдереем, а водяной бамбук просто быстро протушили с солью.

— Чжу-гер, суп закипел, — позвал Сун Цзиньчжоу.

— Сейчас.

Нин Гуйчжу снял со сковороды готовый водяной бамбук, отставил в сторону. В одну руку взял тесто, в другую нож и прямо в кипящий котёл начал срезать тонкие ломтики. Первые несколько движений были на пробу: кусочки выходили разной толщины. Но вскоре ломтики стали ровными и аккуратными. Тонкие пластинки падали в кипящий бульон, дважды переворачивались в бурлящей воде и были готовы.

Когда большая кастрюля супа с тестом сварилась, Нин Гуйчжу обернулся и увидел, что вся семья стоит рядом, с нетерпением глядя на еду. В его глазах мелькнула улыбка:

— К столу.

Все быстро задвигались: кто нёс блюда, кто ставил табуреты. Вскоре главная комната была готова - людей сегодня много, за кухонным столиком не уместиться.

Каждому налили по чашке супа с тестом. Усевшись за стол, все почти одновременно подули на горячий бульон и сделали первый глоток.

Гладкий, насыщенный бульон разлился во рту, и сразу пришло чувство удовлетворения.

Суп с лапшой был солёным. На его фоне и жареный сельдерей с мясом, и лёгкий солоноватый водяной бамбук раскрывались особенно ярко - их свежий аромат создавал контраст, который только усиливал аппетит. Некоторое время за столом слышались лишь тихие звуки еды.

Наевшись, каждый взял по чашке прохладной кипячёной воды и неспешно пил. Ван Чуньхуа вздохнула:

— Второй брат был прав. Чжу-гер, ты и правда готовишь очень вкусно. Того повара, что мы нанмали раньше, и рядом поставить нельзя.

Нин Гуйчжу смущённо улыбнулся:

— Главное, что вам нравится.

— Нравится? Конечно нравится!

Семья ещё немного посидела, болтая о разном. Лю Цюхун похлопала Сюн Шишаня по тыльной стороне ладони, давая знак сходить домой. Заметив это, остальные насторожились.

Лю Цюхун не стала ходить вокруг да около:

— Раз уж сегодня все собрались, давайте обсудим, как разделим имущество.

Разделим?

Все переглянулись. Ван Чуньхуа не выдержала:

— Мама, что делить?

Лю Цюхун улыбнулась:

— А что ещё? Деньги и землю.

Это...

Сюн Цзиньпин, как старший сын, первым подал голос:

— С чего вдруг? Сейчас у нас всё хорошо. Не рановато ли?

— Вы оба уже женаты. Дальше семья будет только расти. Когда всё вперемешку, легко поссориться. Сейчас просто чётко разделим имущество. А делить хозяйство окончательно будем, когда мы с отцом уйдём.

Услышав, что речь не о полном разделе семьи, Ван Чуньхуа и братья заметно расслабились.

Нин Гуйчжу в этих делах мало что понимал. Он посмотрел то на одного, то на другого и тихо сидел в стороне, мысли его уже отвлеклись к тому, как закончить обустройство купальни.

Вскоре Сюн Шишань вернулся с большим мешком в руках.

Лю Цюхун поднялась:

— Прежде чем делить имущество, скажу о ваших свадьбах. На женитьбу старшего и Чуньхуа ушло больше семи с половиной лян. Про младшего и Чжу-гера вы сами знаете. Мы с отцом решили добавить им семь лян. Есть возражения?

Ван Чуньхуа и Сюн Цзиньпин покачали головами. Они были значительно старше Сюн Цзиньчжоу. Когда Ван Чуньхуа вошла в дом, тот ещё был ребёнком. Если сказать смело, какое-то время она даже заботилась о нём как о собственном сыне.

У них возражений не было, зато подал голос Сюн Цзиньчжоу:

— Не нужно добавлять. Когда я стал батоу, старший брат приложил немало усилий.

Он три года отсутствовал без вестей, многие считали его погибшим. Если бы не знакомства, которые Сюн Цзиньпин завёл за эти годы тяжёлой работы, устроить его в уездное управление было бы непросто.

Услышав его слова, Нин Гуйчжу отвлекся от мыслей о купальне. Раз уж они с Сюн Цзиньчжоу теперь семья, он тоже высказался:

— Я тоже думаю, что не нужно.

Лю Цюхун посмотрела на них с досадой:

— Деньги дают, а вы ещё отказываетесь.

Не обращая внимания на их возражения, она продолжила:

— Кроме этих семи лян, за годы мы накопили всего шестьдесят два лян серебра. Мы с отцом берём большую часть - если заболеем, будем платить сами. Вам каждой семье - по пятнадцать лян.

Затем заговорила о земельных наделах. Как главы семьи, Лю Цюхун и Сюн Шишань всё уже решили. Детям оставалось только принять, обсуждений и предложений не предполагалось. В итоге Сюн Цзиньчжоу и Нин Гуйчжу получили двадцать два лян серебра и по пять му земли разных категорий - хорошей, средней и плохой.

Когда всё было сказано, Лю Цюхун и Сюн Шишань удовлетворённо ушли. Ван Чуньхуа направилась на кухню помогать Нин Гуйчжу убирать после готовки.

Сюн Цзиньчжоу по привычке хотел пойти мыть посуду, но, увидев, что Ван Чуньхуа уже на кухне, оглянулся - старший брат, конечно же, никуда не собирался. Тогда он крикнул в сторону кухни и потянул Сюн Цзиньпина во двор - настилать бамбуковый пол в купальне.

Сюн Цзиньпин: «...»

Оба они были сильны и работали быстро. Пол настилался скоро. К тому времени как Нин Гуйчжу и Ван Чуньхуа закончили уборку и вышли, бамбуковые рейки уже были нарезаны и больше половины пола уложено.

Увидев их, Сюн Цзиньпин сказал Ван Чуньхуа:

— Если дома дела, возвращайся. Я здесь закончу и потом приду.

— Ничего, я подожду тебя.

Трое детей уже ушли домой с Сюн Шишанем и Лю Цюхун, так что Ван Чуньхуа не нужно было беспокоиться о них и она могла остаться по собственному желанию.

Услышав это, Сюн Цзиньпин слегка улыбнулся, настроение у него заметно улучшилось.

Нин Гуйчжу, наблюдая за ними, на мгновение задумался: какие же у них хорошие отношения... Но подняв глаза, он вдруг встретился взглядом с Сюн Цзиньчжоу. Коснулся носа, отвёл глаза и сказал Ван Чуньхуа:

— Старшая невестка, пойдём в передний двор отдохнём.

— Хорошо.

Когда их супруги ушли вперёд, Сюн Цзиньпин странно посмотрел на брата:

— Вы с Чжу-гером поссорились?

Он стоял рядом и отчётливо видел выражение лица Нин Гуйчжу.

— Нет, — Сюн Цзиньчжоу покачал головой и после паузы спросил: — Когда вы с невесткой только поженились, как вы общались? Если слишком сблизиться... ей не было неловко?

Сюн Цзиньпин: «?»

Он растерянно вспомнил:

— Да вроде нет. А почему должно быть неловко?

«...»

Не получив полезного совета, Сюн Цзиньчжоу бросил попытки и молча занялся работой.

Пусть Чжу-гер немного его избегает, но, по крайней мере, это не похоже на отвращение. И этого достаточно. Жизнь идет, проживут её постепенно.

Когда Сюн Цзиньпин и Ван Чуньхуа ушли, Сюн Цзиньчжоу постоял немного в раздумьях, затем вдруг повернулся и быстрым шагом направился к кухне. Заглянув внутрь, он спросил:

— Я вскипячу воду. Примешь ванну?

Нин Гуйчжу на мгновение замер, затем улыбнулся и кивнул:

— Хорошо.

Он поставил приготовленный корм для собак в бамбуковую миску у будки, поднялся и как раз увидел, как несколько птиц, озарённых вечерним светом, улетают в сторону гор. Почему-то на душе стало особенно легко и спокойно.

— Цзиньчжоу, я же утром просил купить соли. Ты не забыл? — с улыбкой спросил он, заходя на кухню и ставя вымытые миски.

Сюн Цзиньчжоу хлопнул себя по лбу:

— И правда забыл. Возвращался таким довольным, что сразу из уезда выехал...□

— Взволнован? — Нин Гуйчжу удивлённо наклонил голову.

Стоило заговорить об этом, как Сюн Цзиньчжоу невольно расплылся в улыбке:

— Двор выпустил новый ткацкий станок. По некоторым причинам ткачи к нам ещё не прибыли, поэтому уездный судья с помощником решили найти кого-нибудь из местных, чтобы попробовать разобраться в работе станка пораньше.

Нин Гуйчжу моргнул и тоже улыбнулся:

— Это действительно хорошая новость.

В доиндустриальную эпоху любое обновление механизмов приносило огромную пользу и для людей, и для государства.

Видя его интерес, Сюн Цзиньчжоу стал описывать, как выглядел станок, изо всех сил вспоминая, что днём говорили начальник и его помощник. Если бы он умел рисовать, уже набросал бы схему.

Они болтали, пока вода в котле не закипела. Сюн Цзиньчжоу с сожалением прервал рассказ, достал бочку для мытья, развёл тёплую воду и отнёс её в новую купальню.

Нин Гуйчжу пошёл следом, а в голове всё ещё крутился рассказ о ткацком станке.

—

Ночь прошла в тихом ожидании.

На следующее утро Нин Гуйчжу приготовил завтрак, после еды собрался идти в уезд вместе с Сюн Цзиньчжоу.

Убирая вещи в шкаф, он увидел вчерашнюю жареную закуску, достал её:

— Вчера так и не дал тебе попробовать. Уже остыло. Возьмёшь с собой в управу или вечером съешь?

Сюн Цзиньчжоу уловил аромат масла:

— Что это? — и тут же добавил: — Возьму с собой.

— Хорошо, — Нин Гуйчжу поставил чашку в бамбуковую корзину. — Это жареные травы: китайская туна, пастушья сумка и грибы. Грибы я раньше в горах собирал, их немного - тебе оставил четыре-пять кусочков.

Раз ему оставили, Сюн Цзиньчжоу был доволен.

В уезд они пошли пешком, без тяжёлых нош путь был лёгким. Последние дни по вечерам Сюн Цзиньчжоу массировал Нин Гуйчжу колени, и идти стало заметно проще. Дорогу от деревни Сяохэ до уезда Аньхэ он прошёл без малейшего дискомфорта, не то что в прошлый раз, когда приходилось тайком переносить вес с ноги на ногу, чтобы передохнуть.

Войдя в уезд, Нин Гуйчжу и Сюн Цзиньчжоу направились прямо к управе. Пришли они не слишком поздно, но у боковых ворот уже собралась толпа.

Нин Гуйчжу огляделся:

— Я подожду в стороне.

— Не нужно, — Сюн Цзиньчжоу взял его за руку и повёл вперёд.

Его грозная репутация сейчас оказалась весьма кстати. Стоило людям увидеть, кто идёт, как плотная толпа тут же расступилась, образовав проход. Идя позади Сюн Цзиньчжоу под взглядами стольких людей, Нин Гуйчжу не смог скрыть неловкости.

Подойдя к воротам, Сюн Цзиньчжоу заметил подчинённого, который зевал, и небрежно спросил:

— Чего столпились?

— Начальник, — тот вскочил и начал жаловаться, — ещё до рассвета народ пришёл караулить. Господин уездный судья встал в отличном настроении, а потом собственными глазами увидел, как они сломали станок. Сейчас внутри злится.

Сюн Цзиньчжоу: «...»

— Это у них руки не из того места растут! Пустите нас, может, мы починим! — сразу выкрикнул кто-то из толпы.

— Да идите вы, не мешайте, — отмахнулся стражник, затем заметил Нин Гуйчжу и их сцепленные руки. Лицо его тут же просветлело: — Это Сюй-фулан? Сюй-фулан, здравствуйте. Я Ван Сы, зовите меня просто Сяо Сы.

— Здравствуйте, — вежливо ответил Нин Гуйчжу.

Сюн Цзиньчжоу, услышав рассказ, повернулся к нему:

— Чжу-гер, ты уверен? Хочешь зайти попробовать? — и добавил, чтобы успокоить: — У господина уездного судьи характер хороший, не переживай.

— Мне нужно увидеть станок, чтобы понять, смогу ли работать, — ответил Нин Гуйчжу.

— Тогда пойдём.

Когда они вошли, один мастер уже суетился вокруг ткацкого станка. Уездный судья с мрачным лицом сидел в большом кресле. Рядом на коленях стояли двое - по одежде простолюдины, один гер и одна женщина. Вероятно, именно они и повредили станок.

Сюн Цзиньчжоу подвёл Нин Гуйчжу ближе, сложил руки в приветствии:

— Господин, это мой супруг, Нин Гуйчжу.

Уездный судья открыл глаза, взгляд скользнул с Сюн Цзиньчжоу на Нин Гуйчжу. На мгновение он был поражён его внешностью, затем махнул рукой:

— Посади своего супруга в стороне. Этот станок ещё полдня чинить придётся.

— Хорошо, — откликнулся Сюн Цзиньчжоу и снова взял Нин Гуйчжу за руку.

Мастер в одиночку возился со станком довольно долго, прежде чем починил его. Вытер пот и сказал уездному судье:

— Господин, у меня с собой немного запасных деталей. Пожалуйста, скажите следующим, чтобы работали аккуратнее. Ещё раз сломают, чинить будет нечем.

Чэнь-сяньлин раздражённо махнул рукой:

— Силы-то у них немного. Кто тут тяжёлой работой занимается?

Сегодня ему просто не повезло: первые двое оказались без головы, зато с грубой силой - умудрились согнуть железную деталь.

Мастер: «...»

С таким бесстрашным нравом людей из Аньхэ ему казалось, что чинить станок придётся ещё не раз. Но Чэнь-сяньлин так не думал. Сказав это, он повернулся к Нин Гуйчжу:

— Раз уж пришёл, попробуй.

— Слушаюсь.

Нин Гуйчжу подошёл к станку, но сразу за работу не взялся.

В современности можно было купить даже мини-версию подобного ткацкого станка - он с такими работал. Однако этот отличался от знакомой модели. Он внимательно осмотрел механизм, слегка провернул несколько деталей, проследил, как они приводятся в движение, и только после этого сел за станок.

Мастер с замиранием сердца наблюдал, но Нин Гуйчжу сначала сделал несколько пробных движений, затем правильно заправил нити и без малейшей заминки начал ткать полотно.

Чэнь-сяньлин вскочил на ноги и, хлопнув Сюн Цзиньчжоу по плечу, радостно воскликнул:

— А я-то думал, сегодня мне не везёт! Оказывается, удача копилась, чтобы дожидаться твоего супруга!

Сюн Цзиньчжоу: «...»

Господин, следите за словами! Что это вы такое говорите?!

Чэнь-сяньлин даже не взглянул на него, подошёл к станку и с воодушевлением стал наблюдать за движениями Нин Гуйчжу.

Первые полосы ткани выходили редкими - если снять, расплзутся. Но прогресс был очевиден: нити становились всё плотнее, на глазах вырисовывалось добротное полотно.

Впрочем, важнее было другое. Скорость. Всего за две четверти часа Нин Гуйчжу уже соткал полосу шириной с ладонь. Нетрудно представить, что если заменить старые станки этим новым, скорость производства резко возрастёт. А значит, и цена ткани, возможно, снизится.

Чэнь-сяньлин всё больше воодушевлялся. Засмеявшись, он машинально потянулся похлопать Нин Гуйчжу по плечу, но тут же отдернул руку, боясь сбить ритм, и вместо этого хлопнул по плечу Сюн Цзиньчжоу:

— Отлично, отлично! Потом зайдёшь за наградой. Я же говорил - тому, кто сможет ткать, по десять лян. Ты получишь сто лян. Запомни - это для твоего супруга.

Теперь и Сюн Цзиньчжоу опешил:

— Так много?

Чэнь-сяньлин весело ответил:

— Я рассчитывал найти несколько человек, которые смогут ткать, чтобы они понемногу тренировались и потом учили других. Но посмотри на движения твоего супруга - разве тут ещё нужно тренироваться?

Сюн Цзиньчжоу с гордостью:

— Конечно, нет.

Услышав этот тон, Нин Гуйчжу невольно улыбнулся. Видя, что ткань уже обрела форму, он коснулся бокового механизма, закрепил нити и полотно, затем встал и, сложив кулаки в приветствии, сказал:

— Благодарю господина за награду.

Чэнь-сяньлин всё больше проникался к нему симпатией:

— Я собираюсь открыть в уезде ткацкую мастерскую - пусть там работают сироты и женщины, давшие обет безбрачия. согласишься обучить их?

Нин Гуйчжу: «?»

Разве не для того и привезли этот станок - чтобы учить людей?

Он на мгновение не уловил всех тонкостей, но, увидев, что Чэнь-сяньлин ждёт ответа, просто кивнул:

— Без проблем.

Сто лян - ради такой суммы и «проблема» станет «не проблемой».

Чэнь-сяньлин довольно погладил бороду и, уходя, снова хлопнул Сюн Цзиньчжоу по плечу:

— Хороший у тебя супруг. Очень хороший.

У Нин Гуйчжу в голове стало ещё больше вопросов.

Когда уездный судья ушёл, он не удержался:

— Почему господин так радовался?

Казалось, его больше обрадовало согласие учить, чем сам факт, что ткань удалось соткать.

Сюн Цзиньчжоу объяснил:

— Он давно хотел обучить ремеслу женщин, давших обет безбрачия, и сирот. Но в уезде никто не соглашался. Он просто по привычке спросил, а ты взял и согласился.

«...»

Вот оно что - закидывал сети наугад. Нин Гуйчжу невольно улыбнулся, но не пожалел о своём решении. В это время ремесло означало дополнительный шанс выжить. Для обычных людей это было настоящим благом.